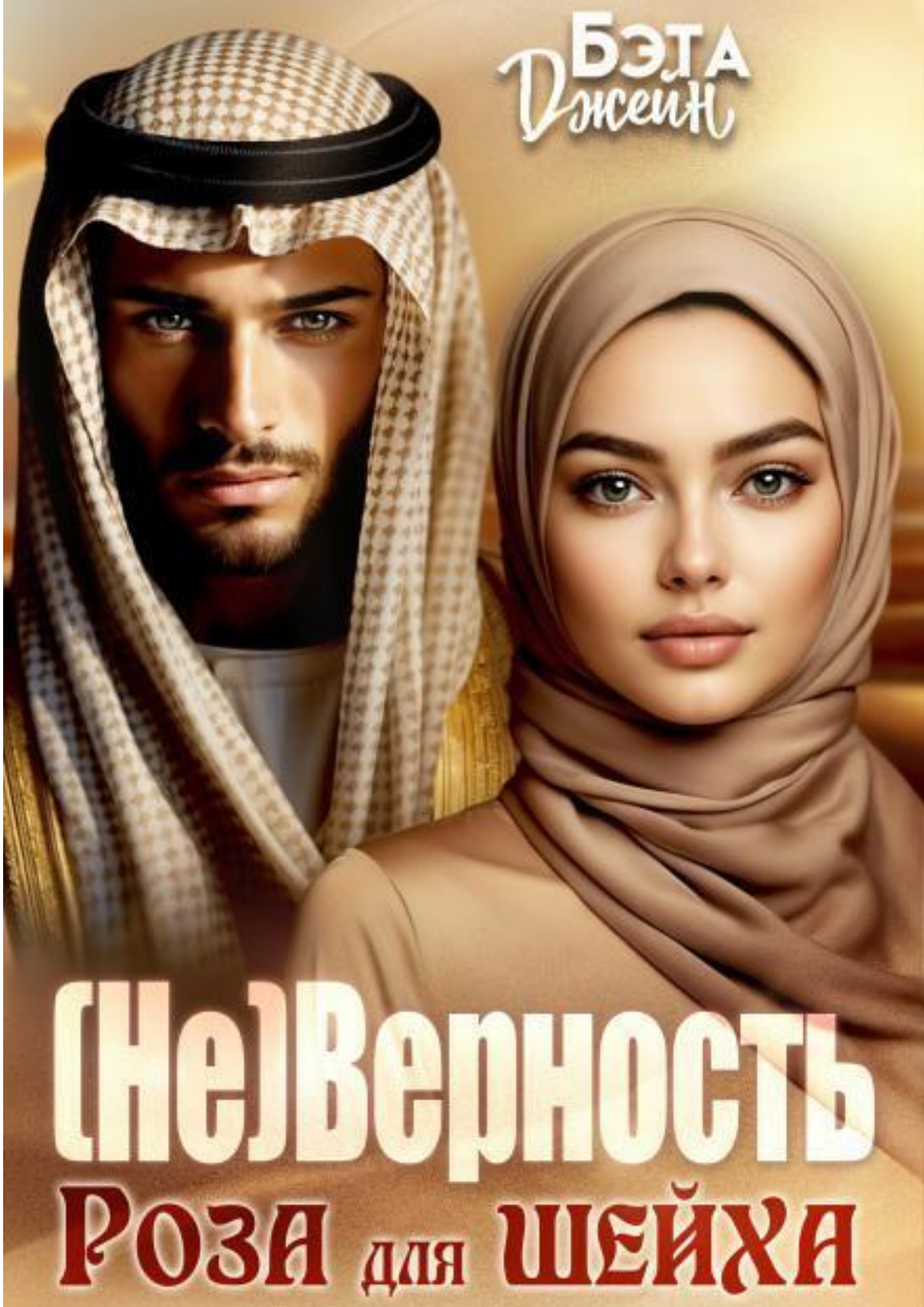

A man and a woman are shown from the chest up. The man on the left is wearing a white keffiyeh with a black headband and has a light beard. The woman on the right is wearing a beige hijab and has a soft smile. The background is a warm, golden-yellow gradient.

БЭТА
Джейн

(Не)Верность
Роза для шейха

Бэта Джейн
(не) Верность. Роза для шейха

«Литнет»

2025

Джейн Б.

(не) Верность. Роза для шейха / Б. Джейн — «Литнет», 2025

Я думала, что самое страшное уже случилось: муж бросил, украл мою работу, оставил с тремя чёрными пакетами вещей. Но жизнь решила иначе. Я сбежала в Эмираты, чтобы реставрировать дворец шейха, но меня продали на аукционе пустыни. Я танцевала в одном шифоне, а мужчины смотрели сквозь меня, как на вещь. Теперь мой новый хозяин — молодой шейх с ледяными глазами. Книга участвует в авторском ЛитМобе «Агентство (Не)Верность»;

© Джейн Б., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Визуализация	8
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	21
Глава 8	23
Глава 9	25
Глава 10	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Глава 1

Добро пожаловать в мою новинку!

Все персонажи и события, описанные в данной книге, являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, живыми или умершими, а также с реальными событиями являются случайными и непреднамеренными.

Каждая стружка, снимаемая с острия скальпеля, была крошечным шедевром – идеально завитой колечком, хрупким и пахнущим историей. Воздух в мастерской был густым, как сироп, от ароматов старого кедра, сладковатого ладанника и горьковатой ноты натурального воска. Для меня этот запах был дороже любого парфюма. Он был синонимом дома, абсолютного покоя, того состояния потока, когда время останавливается, а существует только ты и материя, которую ты спасаешь от забвения.

Я работала над спинкой стула эпохи модерн. Под слоями потемневшего, потрескавшегося лака и вековой грязи угадывался изысканный резной цветок. Движения моей руки были точными, почти медитативными. Скользя кончиком инструмента, поддевать крошечный чешуйчатый слой, слышать едва различимое шелканье отделяющейся от древесины пленки... Это был наш с ней, стулом, танец. Я вела, он – доверял. И вот, под чернотой, показался первый проблеск – теплый, медовый, живой цвет светлого ореха. Сердце зашло от восторга, как всегда в этот момент. Реставрация – это не ремесло. Это магия. Алхимия, превращающая время и забвение обратно в красоту.

Дверь в мастерскую скрипнула – тот самый знакомый, чуть заевший звук, на который мы с Сергеем махнули рукой, решив, что он добавляет месту «атмосферности». Я не обернулась. Я узнала его шаги – тяжелые, уверенные, чуть шаркающие по деревянному полу. Мой муж. Мой партнер. Мой лучший друг и соратник. Мой... целый мир, уместившийся в стенах этой мастерской.

- Алёна, нам нужно поговорить.

Голос его прозвучал чуждо. Он был лишен привычной теплоты, натянут, как струна, готовая лопнуть. Не тот мягкий, глубокий баритон, которым он часами мог рассуждать о пропорциях готического витража или истории орнамента барокко.

Я на мгновение оторвалась от работы, но не обернулась, боясь сбить ритм.

- Минуточку, дорогой. Ты только посмотри, какая текстура открывается! – я провела пальцем по обнажившемуся участку дерева, чувствуя его бархатистую гладкость. – Здесь, кажется, была перламутровая инкрустация, посмотри на эти углубления. Мы можем...

- Алёна. Отложи инструменты. Это важно!

В его тоне прозвучала сталь. Холодная и отточенная. Это заставило меня наконец поднять на него глаза.

Он стоял посреди залитой закатным солнцем мастерской, и свет, падающий из высокого окна, делал его силуэт резким и чужим. Плечи были неестественно напряжены, руки сжимали несколько листов бумаги, скрученных в трубочку, будто он боялся их уронить. Он не смотрел на меня. Его взгляд бродил по полкам с банками пигментов, по стеллажам с кистями, утыкался в груды чертежей на соседнем столе – куда угодно, только не на меня.

Ледяная точка страха, крошечная и острая, как кончик моего скальпеля, кольнула меня под сердце.

- Серёж, что случилось? – выдохнула я, и сама удивилась, как тихо и неуверенно прозвучал мой голос.

Он сделал шаг вперед и с глухим стуком бросил эти скрученные бумаги прямо на верстак, на свежий лист кальки с моими эскизами.

- Это документы, на подачу заявления о разводе. Я уже подписал.

Воздух в легких застыл. Я смотрела на него, стараясь понять смысл этих слов. Они не складывались в картину. Они были просто набором звуков, лишенных логики и смысла.

Развод? Почему?

Мы только вчера... вчера он смеялся, вытирая пот со лба, когда паяльная лампа чуть не соскользнула с козел и не прожгла дыру в нашем новом, выбранном вместе, паркете. Мы всю прошлую неделю с азартом планировали поездку в Италию на симпозиум реставраторов, спорили о маршруте, искали самые дешевые билеты...

Мой взгляд упал на бумаги. Официальный бланк, печати, его подпись – размашистая, уверенная – внизу. Реальность начала раскалываться.

- Это... шутка? – голос сорвался на хриплый шепот. – Неудачная, Сергей. Очень неудачная.

Он покачал головой, и его взгляд, наконец, скользнул по моему лицу, чтобы тут же отскочить в сторону, к моим незаконченным работам, к стулу, который я только что возвращала к жизни.

- Нет. Все серьезно. Я ухожу. К Кате.

Катя. Наша стажерка. Молодая, двадцатидвухлетняя Катя, с восторженными сияющими глазами и привычкой смотреть на него снизу вверх, как на гуру. Она постоянно спрашивала у меня совета по техникам левкаса, заходила «на чай», рассказывала о своих проблемах. Я жалела ее и старалась помочь.

Мир не обрушился, он замер. Застыл, как картина в толстом стекле. Каждая пылинка, кружащая в луче закатного света, зависла на месте. Звон трамвая за окном, привычный гул города – все стихло. Осталась только эта мастерская, он, я и оглушительная тишина, в которой гудели его слова.

- К Кате, – повторила я безжизненно, будто проверяя, как это слово ощущается на языке. Оно было пустым и невкусным. – Почему?

И тут он посмотрел на меня. Прямо. И в его глазах, таких знакомых, в которых я привыкла видеть любовь, усталость, творческий азарт, не было ничего из этого. Ни капли сожаления. Ни тени вины. Там было что-то другое. Странное, новое и бесконечно оскорбительное – облегчение.

- Потому что с ней я чувствую себя живым. – Он сказал это четко, отчеканивая каждое слово, будто репетировал эту речь. – Она восхищается мной. А ты... Ты всегда вся в своей работе. В этих своих... древних стульях. Ты носишься с ними, как с писаной торбой. Ты даже не замечаешь, что я рядом. Ты... Ты просто утомила меня, Алёна. Высосала всю энергию.

Каждое слово было точным, холодным ударом. Не по дереву, с которым я работала, а по мне. По самой моей сути. Он не просто уходил. Он перечеркивал все наши годы. Обесценивал все, что было между нами. Превращал нашу общую жизнь в историю о том, как он терпел меня, «уставшую» и «скучную».

Пока я пыталась вдохнуть, понять, собрать осколки себя, он протянул руку и взял со стола толстую синюю папку. На ней было выведено моим подчерком: «Проект «Особняк Замятина». Год моей жизни. Год исследований, ночей над чертежами, проб и ошибок. Мой прорыв, моя гордость, проект, который должен был вывести нашу мастерскую на новый уровень.

- И я забираю это, – заявил он, прижимая папку к груди. – Все чертежи, все наработки. Они идут от имени нашей мастерской. То есть – моей мастерской. Ты ведь вкладывала все в общее дело, верно? – в его голосе прозвучала ядовитая усмешка. – Так вот теперь это общее дело мое. Ты понимаешь? Уходи!

Я не плакала. Слез не было. Не было даже крика. Был только леденящий, всепоглощающий шок. Я смотрела на человека, с которым делила жизнь, кровать, мечты, и видела абсолютно чужого, жестокого циника. Это было хуже, чем измена. Это было тотальное ограбление. Он крал не просто проект. Он крал мое прошлое, наше доверие, мое будущее. Он выметал меня из собственной жизни, как сор, освобождая место для кого-то нового.

Он развернулся и ушел. Его шаги гулко отдавались по деревянной лестнице, затихли внизу. Хлопнула входная дверь.

Тишина обрушилась на меня всей своей тяжестью.

Я осталась стоять посреди мастерской. Мой взгляд упал на стул. На тот самый участок теплого, медового дерева, который я с такой любовью освободила из плена времени. Всего полчаса назад это было маленькое чудо, победа света над тьмой.

Теперь это был просто кусок дерева.

Я медленно провела пальцем по гладкой поверхности. И почувствовала, как что-то липкое, черное и холодное, поднимается изнутри и намертво прикипает к душе. Грязь. Не от лака и пыли. Другая. Ту, что не смоешь никаким растворителем.

Красота, которую я явила миру, умерла, не успев родиться. Магия кончилась. Осталась только пустота и едкий, горький запах предательства.

Визуализация

Визуализация главных героев.

Алёна Орлова, талантливый реставратор по дереву и фрескам.

Шейх Халид аль-Рахман.

Если вы хотите поддержать автора, пожалуйста, добавьте книгу в библиотеку.

Поставьте "Мне нравится", и подпишитесь на автора. Моя муза будет вам благодарна!

Глава 2

Последующие дни слились в одно сплошное, серое, безвоздушное пространство. Я была как тот стул — с внешне целым каркасом, но с выжженной, мертвой сердцевинкой.

Развод проходил по сценарию Сергея. Быстро, тихо и максимально унижительно для меня. Мы встретились у нотариуса. Он пришел со своим адвокатом — подтянутым молодым человеком в дорогом костюме, который смотрел на меня с вежливым, дежурным сожалением. Сергей выглядел отдохнувшим и счастливым. На нем была новая рубашка, и он пахнул тем парфюмом, который я подарила ему на прошлый день рождения.

Я пришла одна. Сидела на кожаном диванчике в приемной и чувствовала себя нищей родственницей, пришедшей просить милостыню. Нотариус, милая женщина с усталыми глазами, предлагала варианты, говорила о разделе имущества.

- Наша мастерская... — начала я, и голос мой звучал хрипло и тихо. — Там есть мои работы, инструменты, которые я покупала сама...

Сергей перебил меня, обращаясь не ко мне, а к нотариусу, как будто меня и не было в комнате.

- Все имущество, включая мастерскую и все ее содержимое, было приобретено в браке и является совместным. Я готов предложить бывшей супруге денежную компенсацию. Единственно, чтобы не затягивать процесс.

Бывшей супруге. От этих слов свело желудок.

- Какие инструменты? Какие работы? — прошептала я, глядя на него. - Ты же знаешь, что половина всего там — мое! Мои кисти, мой верстак, который мне отец отдал...

Он посмотрел на меня, и в его глазах не было ничего, кроме легкого раздражения, будто я была надоедливой мухой.

- Алёна, не усложняй. Все опиши и чеки у меня. Докажи, что что-то твое. — Он кивнул адвокату, и тот достал из портфеля аккуратную папку. — Я предлагаю тебе сумму. Она более чем справедлива. Хочешь бороться, будешь годами судиться, потратишь все эти деньги на юристов и в итоге получишь то же самое. Но с испорченными нервами.

Я смотрела на него и понимала, что это не тот человек, которого я любила. Тот человек куда-то исчез, а на его месте сидел расчетливый, холодный делец, он все просчитал. Он знал, что у меня нет сил на долгую войну. Что каждая встреча с ним будет выжигать из меня по куску души.

Я молча кивнула. Подписала бумаги. Моя рука дрожала, и подпись вышла кривой, неуверенной, непохожей на мою. Его росчерк был таким же уверенным и размашистым, как всегда.

Когда все было кончено, он встал, поправил манжет рубашки.

- Ключи от мастерской, пожалуйста. Я уже меняю замки.

Я молча сняла со связки два знакомых ключа — один от двери, второй от витрины с дорогими пигментами, положила их ему на стол. Металл звякнул о стекло, звук показался невероятно громким.

Он взял ключи, сунул в карман, кивнул мне на прощание и вышел вместе с адвокатом. Их смех за дверью прозвучал как пощечина.

Я осталась сидеть одна. Нотариус что-то говорила мне, какие-то документы протягивала, я не слышала. Я видела только ее губы, движущиеся без звука. Взяла бумаги, сунула в сумку и вышла на улицу.

Был ясный солнечный день. Люди спешили по своим делам, смеялись, целовались у входа в метро. Мир жил своей жизнью, и ему не было дела до того, что моя жизнь только что закончилась.

Я не помню, как добралась до нашего... до его дома. Теперь уже его. Мои вещи были сложены в черные мусорные пакеты и стояли в прихожей. Он даже не утрудился сложить их в чемодан! Просто сгреб все, что считал моим, в эти полиэтиленовые мешки, похожие на те, что выносят на помойку. На одном из пакетов даже красовалась наклейка «40 литров. Для строительного мусора».

Я стояла и смотрела на это. На всю свою жизнь, упакованную в три черных пакета. Плакать не хотелось. Внутри была только густая, вязкая пустота. Я чувствовала себя призраком.

Позвонила единственному человеку, который мог меня принять - бабушке.

- Ба! — сказала я, и голос мой прозвучал чужим. — Можно я к тебе на несколько дней?

Она ничего не спросила. В ее голосе я услышала только тревогу и безоговорочную любовь.

- Конечно, внученька. Приезжай! Я тебя встречу!

Я вызвала такси. Водитель, угрюмый мужчина с сигаретой за ухом, без особого энтузиазма погрузил мои жалкие пакеты в багажник. Я села на заднее сиденье и прижалась лбом к холодному стеклу.

Мы ехали все дальше и дальше от центра. Высокие дома сменялись пятиэтажками-«хрущевками», потом появились частные домики с палисадниками. Бабушка жила на самом отшибе города, в районе, который когда-то был поселком, а потом город просто поглотил его.

Машина остановилась у знакомого с детства двухэтажного дома из силикатного кирпича. Бабушка уже ждала меня на лавочке у подъезда, кутаясь в поношенный пуховый платок. Увидев меня, она поднялась и распахнула руки для объятий.

И тут во мне что-то надломилось. Я вывалилась из такси, и она обняла меня, прижала к своей мягкой, пропахшей валерианой и пирогами груди, и я наконец разрешила себе заплакать. Не рыдать, а просто тихо, безнадежно плакать, чувствуя, как ее натруженная рука гладит мою голову.

- Ничего, внучка, ничего, — приговаривала она. — Все пройдет. У меня тут место тихое, отоспишься.

Она помогла донести мои позорные пакеты до второй этаж. Квартира была маленькой, пропахшей геранью, старыми книгами и тем особым уютом, который бывает только в домах, где живут по-настоящему. Выцветшие занавески, ковер на стене, фотографии в рамках... Здесь время текло медленно и спокойно.

Я завалилась на диван в гостиной, накрылась бабушкиным лоскутным одеялом и провалилась в пустоту. Не в сон, а в какое-то забытье. Я лежала и смотрела в потолок, чувствуя, как по щекам медленно ползут слезы. Я не думала ни о чем. Мысли отскакивали от сознания, не задерживаясь. Просто было больно. Тупо, монотонно, физически больно.

Снаружи завывал ветер, задевая провода. Где-то хлопнула калитка. Здесь, на отшибе, было тихо и пустынно. Совсем не так, как в нашей шумной мастерской в центре.

Я прижалась лицом к прохладной наволочке. Это было не бегство. Это было отступление тяжело раненного солдата, который ищет темный, тихий угол, чтобы зализывать раны. И единственное, что я могла чувствовать, — это всепроникающий, леденящий холод. Как будто внутри меня вместо сердца образовалась комната, полная пепла.

Глава 3

Прошла неделя. Затем вторая. Бабушкины пироги с капустой и бесконечные чаи с ромашкой залечивали тело, но душу не трогали. Она была похожа на выжженное поле после пожара. Черная, потрескавшаяся земля, на которой ничего не могло прорасти.

Я пыталась звонить бывшим коллегам, заказчикам, с которыми работала когда-то. Ответы были похожи друг на друга, как две капли воды – вежливые, сочувствующие и абсолютно бесполезные.

- Алёна, милая, мы бы с радостью, но сейчас кризис, заказов нет совсем.

- Знаешь, Сергей уже обо всем объявил. Говорит, ты сама решила уйти из профессии. Неудобно как-то вмешиваться...

- Ой, а мы как раз заключили эксклюзивный договор с мастерской твоего... с Сергеем. Извини, я бы хотел, но не могу.

Мне впервые за все годы карьеры отказывали. И не потому, что я была плохим специалистом. А потому, что он уже успел всё расставить по своим местам. Он стал жертвой, а я – неадекватной женой, бросившей работу. Или жестокой сумасшедшей, от которой он «сбежал» к молодой и милой стажерке. Версии, я уверена, ходили разные, но суть была одна: мое профессиональное имя было методично уничтожено.

Один раз я поехала в город, на встречу с владельцем антикварной лавки, которому когда-то реставрировала бюро. Он смотрел на меня не как на специалиста, а как на диковинную зверушку.

- Орлова? А, это вы та самая... Ну, знаете, у меня тут все хрупкое, дорогое. Мне бы только мастеров с устойчивой психикой. А у вас, я слышал, проблемы в личной жизни... Не хотелось бы рисковать.

Я вышла от него, и меня трясло мелкой дрожью от унижения. От бессилия. Он смотрел на меня как на бракованный товар.

Деньги, полученные за молчаливое согласие на все условия Сергея, таяли на глазах. Бабушка ничего не брала, но я не могла сидеть у нее на шее. Я начала лихорадочно искать хоть какую-то работу. Не реставратора, кем угодно. Продавцом-консультантом, офис-менеджером, хоть уборщицей.

Мне вежливо отказывали. Слишком квалифицированная, для простых должностей. Слишком «нестабильная» для сложных. Я была не вписана ни в одну клеточку этого аккуратного, работающего мира.

В тот день у меня было два собеседования. Одно – в копицентр, другое – в небольшой салон цветов, оба – провалились. В копицентре испугались моего опыта («Вы же тут заскучаете и уйдете через месяц!»), в салоне цветов смутились моего потерянного вида и отсутствия «позитивного настроения».

Я вышла на улицу. Было сыро и промозгло, мелкий противный дождик сеял с неба, превращая тротуары в грязное месиво. Автобус, на котором я должна была уехать к бабушке, должен был быть только через сорок минут.

Я дошла до остановки и села на холодную мокрую скамейку. На мне был поношенный бабушкин плащ, который плохо защищал от ветра. Капли дождя скатывались по щекам, и я даже не понимала, это дождь или слезы. Внутри была абсолютная пустота. То самое чувство, когда ты понимаешь, что ты никому не нужен. Твои знания, твой талант, твой опыт – никому не упали. Ты выброшен на свалку, как те самые черные пакеты с вещами.

Мимо проходили люди. Они куда-то спешили, у них были дела, цели, дома, где их ждали. Они обтекали меня, как воду обтекает бесполезный камень на дороге. Никто не смотрел в мою сторону. Я была частью городского пейзажа, одним из элементов уличной мебели – «грустная женщина на остановке».

Я закрыла глаза, пытаюсь хоть как-то собраться. Мне нужно было ехать к бабушке, делать вид, что у меня все хорошо, есть ее суп, ложиться спать и снова просыпаться в этом бесконечном дне сурка. Перспектива была настолько невыносимой, что мне стало физически плохо.

И вдруг я почувствовала, что кто-то остановился рядом. Не просто прошел, а именно остановился. Я медленно подняла голову, ожидая увидеть сотрудника полиции или назойливого попрошайку.

Передо мной стояла женщина. Лет пятидесяти, в элегантном плаще цвета хаки, с умными, очень спокойными глазами. Она смотрела на меня не с жалостью, а с каким-то глубоким, понимающим интересом. Как хирург смотрит на сложного пациента, оценивая масштаб проблемы.

Я беспомощно смотрела на нее, не в силах вымолвить ни слова.

Женщина молча порылась в своей сумке из мягкой кожи и достала оттуда один единственный белый прямоугольник. Она протянула его мне.

Я машинально взяла его – это была визитка, строгая и лаконичная. На белом матовом картоне было вытеснено всего два слова: «Агентство „Верность“». И ниже – номер телефона. Ни имен, ни должностей, ни адреса.

Я уставилась на нее, не понимая. Реклама? Какое-то агентство недвижимости? Служба знакомств?

Женщина снова посмотрела на меня. Ее взгляд был на удивление теплым и твердым одновременно.

— Там тебе помогут, — сказала она тихим, но очень четким голосом. В нем не было ни капли сомнения. Это звучало как констатация факта. Как прогноз погоды: «Завтра будет солнце».

Она не стала ничего добавлять. Не стала расспрашивать, утешать, давать советы. Она просто кивнула мне, развернулась и пошла прочь, ее каблук четко стучали по мокрому асфальту, растворяясь в шуме города.

Я сидела на остановке, сжимая в окоченевших пальцах этот кусочек картона. Он был единственной сухой и теплой вещью во всей вселенной.

«Агентство „Верность“».

Слово «верность» резануло по живому, вызвав новую волну боли. Верность? Мне казалось, я больше никогда не смогу произнести это слово без горькой усмешки.

Но что-то в этой женщине... в ее взгляде... в этой абсолютной уверенности... не позволяло мне просто выбросить визитку в ближайшую урну.

Автобус подъехал, двери открылись. Я поднялась, зажав визитку в кулаке, как талисман. Как последнюю соломинку, которую тебе протянула незнакомая рука из другого, нормального мира, когда ты уже почти утонул.

Я ехала в автобусе и все смотрела на эти два слова. «Верность». И «Помощь».

Впервые за долгие недели в промерзшей, выжженной пустыне внутри меня шевельнулось что-то, отдаленно напоминающее надежду. Слабая, едва живая искорка.

Глава 4

Визитка пролежала у меня в кармане три дня. Я доставала ее, смотрела на эти два слова, водила пальцем по рельефному тиснению и снова убирала. Это казалось безумием. Какое-то мифическое агентство с пафосным названием? Что они могут предложить? Устроить на работу гувернанткой в семью олигархов? Сосватать замуж за иностранца? Мысли были самые нелепые и циничные.

Но память о взгляде той женщины, спокойном и уверенном, не давала мне выбросить этот клочок картона. В ней не было ни капли сомнения. А у меня не осталось ничего, кроме сомнений.

На четвертый день, когда бабушка ушла в поликлинику, я набрала номер. Рука дрожала, я ожидала услышать бодрый голос секретаря или автоответчик. Трубку сняли сразу же.

— Агентство «Верность», — прозвучал мягкий, низкий женский голос. Никаких «добрый день» или «слушаю вас». Просто — «Агентство «Верность». Как пароль.

Я замерла, не зная, что сказать.

— Мне... мне дали вашу визитку, — наконец выдавила я. — На остановке. Женщина...

— Мы вас ждем, Алена, — голос в трубке оставался невероятно спокойным. — Можете подойти сегодня в три?

От того, что меня ждали и что назвали по имени, стало и странно, и немного не по себе.

— Да... я могу.

— Отлично. Адрес пришлем вам смс. До встречи.

Раздались короткие гудки. Через минуту на экране моего старого телефона всплыло сообщение с адресом. Ни названия компании, ни номера офиса. Просто дом.

Дорога была словно в тумане. Я шла, кутаясь в свой старый плащ, и чувствовала себя предательницей, идущей на тайное свидание. Что я делаю? Это же полный бред.

Я сделала глубокий вдох и нажала на звонок. Дверь открылась бесшумно и я замерла на пороге. Вместо ожидаемого тесного офиса с столами и папками меня встретило просторное, залитое светом помещение. Огромные окна выходили в тихий зеленый двор, и последние лучи осеннего солнца ласкали стены, выкрашенные в мягкие, успокаивающие пастельные тона — цвет утреннего неба, теплой слоновой кости, лаванды. Воздух был свежим и пахло не офисом, а скорее, дорогим спа-салонам — легкие ноты жасмина и сандала.

Повсюду, на полках, на полу, в подвесных кашпо, стояли живые растения — пышные монстеры, нежные орхидеи, выющиеся плющи. Они создавали ощущение жизни и роста, чего-то такого, чего мне так не хватало.

В центре стояли удобные диваны и кресла с пледами, а напротив входа я увидела три одинаковые двери. На каждой из них — изящная табличка с одной буквой: «М», «П» и «Д».

Мои глаза скользили по стенам. На них висели не постеры с мотивационными слоганами, а настоящие, живые картины. Одна изображала женщину, смотрящую на штормовое море, другая — пробивающийся сквозь асфальт росток. Рядом с ними — цитаты, выведенные изящным шрифтом: «Иногда нужно заблудиться, чтобы найти себя» и «Ты не дерево, ты можешь уйти».

Ко мне подошла девушка в элегантном сером костюме. Улыбнулась, но без навязчивости.

— Алена? Проходите, пожалуйста. Ирина Юрьевна вас ждет.

Она провела меня к двери с буквой «Д» и тихо постучала.

— Войдите, — отозвался тот самый голос из телефона.

Кабинет был таким же светлым и уютным. За рабочим столом из светлого дерева сидела женщина. Шатенка с собранными в низкий узел волосами, на вид лет сорок. На ней была простая белая блузка, но на нее падал такой мягкий свет от торшера, что она казалась почти святой. Она подняла на меня глаза и улыбнулась. И это была не дежурная улыбка секретаря, а теплая, искренняя улыбка, от которой чуть приподнимались уголки ее карих глаз.

— Алена, здравствуйте. Садитесь, пожалуйста. Я Ирина Юрьевна Харитоновна.

Я, молча, опустилась в мягкое кресло напротив. Меня все еще трясло от нервного напряжения.

— Вы... вы знаете мое имя, — тихо сказала я.

— Конечно, — она кивнула, сложив руки на столе. — Та женщина, которая передала вам визитку, наш агент. Она описала вас. Мы немного знаем вашу историю. Ровно настолько, чтобы понять, что вы именно тот человек, которому мы можем помочь.

— Но... как? Что это за место? — я огляделась вокруг. Это было меньше всего похоже на кабинет директора какой-либо фирмы.

— Это место силы, — просто сказала Ирина Юрьевна. — Место, где женщины, пережившие боль, предательство и потерю себя, могут сделать передышку. Перевести дух и найти новый путь.

Она объяснила все так же спокойно и четко. Суть была проста и гениальна. Агентство подбирало для женщины совершенно новую жизнь сроком на три месяца. Новое место жительства, новую работу — исходя из ее навыков, образования, а главное — ее тайных, забытых желаний и мечт.

— Мы не меняем имена и не прячем людей в бункерах, — улыбнулась Ирина Юрьевна. — Если только для этого нет веских причин. Мы даем возможность уехать. Далеко. В новую реальность. Чтобы отдохнуть от старой. Чтобы понять, чего хотите именно вы, а не то, что от вас ждут. Мы помогаем с жильем, работой, легализацией. Все конфиденциально. Никто — ни муж, ни родители — не узнают, где вы, если вы сами не захотите. После подписания контракта мы выдаем вам телефон. В нем только один номер — наш. Если в любой момент вам станет страшно, тяжело или вы просто решите, что это не ваше — один звонок. И мы вернем вас домой.

Я слушала, и мой мозг отказывался это воспринимать. Звучало как сказка. Как сценарий для какого-то романа.

— Но... какова цена? — спросила я, уже готовясь услышать астрономическую сумму.

Ирина Юрьевна назвала цифру. Цифру, которая была смехотворно мала. Меньше, чем я платила за аренду мастерской.

Я выглядела шокированной, потому что она тихо рассмеялась.

— Да, мы не богатеем на этом. Это не бизнес в чистом виде. Скорее... миссия. Многие наши клиентки, обретя новую жизнь и новые силы, потом щедро благодарят агентство. Это и есть наш главный капитал. — Она посмотрела на меня с тем самым пониманием, которое я увидела у женщины с визиткой. — Я тоже когда-то сидела на остановке и не знала, куда идти. Потом мне протянули руку. Теперь моя очередь.

Она открыла папку на столе.

— Мы изучили ваше резюме, Алена. Вы блестящий реставратор. Ваша работа это призвание. И мы хотим предложить вам именно ее.

— Но в моем городе мне везде отказали, — горько выдохнула я.

— Потому что мы предлагаем вам не этот город, — ее глаза заблестели. — У нас есть заказ. Срочный и очень деликатный. Требуется реставратор по дереву и фрескам. Объект — старинный дворец. Место — Абу-Даби.

В воздухе повисла тишина. Абу-Даби. Дворец. Реставрация. Это были слова из какой-то другой вселенной, не из моей затхлой реальности с черными пакетами и бабушкиным диваном.

— Но... я... — я не находила слов.

— Вам не нужно принимать решение сейчас, — мягко сказала Ирина Юрьевна. — Поезжайте домой. Подумайте. Прочитайте договор. — Она протянула мне несколько листов. — Там все подробно. Когда решите — позвоните с того телефона, который мы вам дадим.

Я молча взяла бумаги. Руки снова дрожали, но теперь не от страха, а от чего-то другого. От какого-то безумного, щемящего чувства, которое я уже забыла. От надежды.

— Почему вы мне верите? — выдохнула я уже в дверях. — Вы же почти ничего обо мне не знаете.

Ирина Юрьевна снова улыбнулась своей теплой, материнской улыбкой.

— Потому что я вижу в ваших глазах тот же огонь, что и в глазах той женщины на остановке. Он почти погас, но его еще можно раздуть. До завтра, Алена.

Я вышла на улицу. Вечерело. В руке я сжимала папку с договором. В голове звучало: «Абу-Даби. Дворец. Реставрация».

И впервые за долгие недели я подняла голову и посмотрела на небо. На проступающие сквозь сумеречную дымку звезды. Одна из них, самая яркая, мерцала именно над крышей того дома, откуда я только что вышла. Как будто подмигивая мне.

Глава 5

Решение пришло не после долгих раздумий, не в результате взвешивания «за» и «против». Оно родилось внезапно, стремительно, как вспышка молнии в крошечной тьме. Одна секунда — и я лежала на бабушкином диване, вглядываясь в причудливую паутину трещин на потолке, ощущая себя пленницей этой убогой, предсказуемой реальности. Следующая — и меня пронзила мысль, ясная и оглушительная, как удар колокола: «А что если?..»

Что если эта безумная авантюра — не ловушка? Что если за этой дверью с табличкой «Д» и правда начинается иной путь? Не побег в никуда, а шанс. Шанс проснуться не под заунывный вой ветра в старой хрущевке, а под щебет незнакомых птиц за окном. Чувствовать под подушечками пальцев не шершавую, истертую ткань бабушкиного дивана, а шелковистую, теплую, живую текстуру древесины, в которой застыли столетия. Уйти. Просто уйти от этого липкого, съедающего изнутри чувства собственной ненужности. От жалости в добрых глазах бабушки, которая резала больнее любой ненависти. От самой себя — от этой обесцвеченной, сломленной, преданной Алены, в которую я превратилась.

Я вскочила так резко, что у меня закружилась голова. Сердце колотилось где-то в горле, бешено и громко. Я почти побежала к сумке, судорожно запустила руку в один из карманов и нащупала холодный, угловатый корпус того самого кнопочного телефона. Палец сам нашел единственную записанную кнопку. Я прижала аппарат к уху, слушая монотонные гудки, и вся сжалась в комок, боясь, что трубку не поднимут. Что это был сон, но трубку подняли почти сразу.

— Агентство «Верность», — тот же спокойный, низкий голос.

Горло перехватило. Я сглотнула комок, подступивший к глазам, и выдохнула в трубку, почти не узнавая собственный голос.

— Я... я согласна.

— Прекрасно, — голос Ирины Юрьевны прозвучал так, будто она только что узнала самую хорошую новость в своей жизни. В нем не было ни тени удивления. — Завтра в десять утра за вами заедет машина. Будьте готовы.

Она положила трубку. А я так и стояла посреди комнаты, сжимая в потной ладони телефон, не в силах пошевелиться. Я это сделала. Я шагнула в пустоту.

Остаток дня промелькнул в сумасшедшем, сюрреалистичном вихре. Бабушка, когда я, запинаясь и подбирая слова, сообщила ей, что получила выгодный контракт на реставрационные работы в Эмиратах и улетаю завтра, сначала остолбенела, всплеснув руками, а потом ее словно прорвало.

— В теплые края! Ой, внученька, Господи, как хорошо! Наконец-то тебе улыбнулась удача! — она засуетилась, забежала по комнате, хватая то одно, то другое. Она вытащила с антресолей старый, но крепкий чемодан и принялась складывать мои скромные вещи, приговаривая: — Там жарко, говоришь? Значит, легкие платяица. А вечером, говорят, ветер с моря, прохладно бывает. — И она бережно, почти с благоговением, уложила сверху свою самую красивую, пуховую шаль с вышитыми цветами. — Вот, накинешь, чтобы не простудиться.

Потом она помчалась на кухню и вернулась с баночкой своего знаменитого малинового варенья.

— Чтобы тоска не заела, — прошептала она, заворачивая банку в несколько носков и пряча в угол чемодана. — Ложечку перед сном, и сразу на душе светлее станет.

Последним в уголок, у молнии, она положила маленькую, потемневшую от времени медную иконку Казанской Божьей Матери.

— Чтобы оберегала тебя там, далеко, — сказала она, и голос ее дрогнул.

Я не сопротивлялась. Я молча наблюдала, как в этот безликий чемодан она упаковывает не вещи, а кусочки своей любви, своей заботы, своего единственного и нерушимого дома. И эти простые, душевные вещицы вдруг стали самым большим, самым настоящим богатством на свете.

Ночь была долгой и беспокойной. Я ворочалась, вглядываясь в знакомые очертания комнаты, тонувшие во мраке, и слушала, как за стеной посапывает бабушка. По щекам беззвучно текли слезы. Но на этот раз это были не только слезы боли и унижения. Это были слезы прощания. Прощания с той Аленой, которую убили в тот вечер в мастерской. С ее верой, ее наивностью, ее миром, который оказался большой, тщательно сконструированной ложью. Я хорошила ее здесь, под шум ветра за окном, чтобы там, за тысячи километров, попытаться родиться заново.

Ровно в десять под окном заурчал двигатель. Я выглянула: у подъезда стоял черный, идеально чистый внедорожник. Из него вышел водитель — высокий, молчаливый мужчина в темных очках и строгом костюме. Бабушка, плача и смеясь одновременно, крестила меня на прощание, суя в руки сверток с пирожками.

— Пиши, внученька! Хоть открыточку! Обязательно! — кричала она мне вслед, выбежав на балкон в одном растянутом свитере.

Я обернулась, чтобы помахать ей рукой, и увидела, как ее маленькая, хрупкая фигурка медленно уменьшается, пока машина не повернула за угол и совсем не скрылась из виду. В горле снова встал ком.

В аэропорту меня уже ждала та самая девушка в элегантном сером костюме — Анна, как она представилась. Ее улыбка была деловой, но глаза — теплыми.

— Все по плану, — сказала она, вручая мне плотную папку. — Ваш билет, загранпаспорт с визой, страховка, все необходимые для паспортного контроля документы. И это — на первые мелкие расходы. — Она протянула небольшой конверт. Внутри лежала пачка местной валюты, купюры странного, непривычного дизайна.

— Все уже оплачено, — продолжила она. — Вам нужно только пройти на регистрацию. По прилету вас встретят, все инструкции будут даны на месте.

И тогда, к моему крайнему удивлению, она сделала шаг вперед и обняла меня. Легко, по-сестрински.

— Счастливого пути, Алена, — тихо сказала она мне на ухо. — Вы заслуживаете этого. Поверьте.

Дальнейшее было похоже на странный, очень реалистичный сон. Я шла по бесконечным, сияющим стерильной чистотой коридорам аэропорта, и у меня было ощущение, что я играю роль в чужом спектакле. Все было слишком гладко, слишком продуманно, слишком идеально. Где-то в глубине души сидел цепкий, испуганный зверек, который ждал подвоха на каждом шагу: вот-вот из-за угла появится Сергей с издевательской усмешкой, или на плечо ляжет рука сотрудника полиции, или окажется, что билет ненастоящий и меня выведут из очереди на регистрацию под униженные взгляды окружающих.

Но ничего не происходило. Мой паспорт вызывал у стюардов лишь вежливые кивки. Я прошла в самолет, нашла свое кресло у иллюминатора и опустилась в него, чувствуя, как подрагивают колени. Когда командир экипажа объявил о выходе на взлетную полосу и попросил пристегнуть ремни, я вцепилась в подлокотники так, что костяшки побелели. Это был не

страх полета. Это был животный, первобытный ужас перед тем, что я делаю. Я перерубала последний канат, связывающий меня с берегом. Я сбегала. От всех. И от самой себя.

Самолет рванулся вперед с оглушительным ревом, прижимая меня к креслу. А потом — тот самый щелчок, невесомость, и земля резко ушла из-под крыла. Город, весь в унылых, серо-желтых осенних тонах, поплыл вниз, становясь все меньше, плеще, превращаясь в бутафорский макет города, нарисованный небрежной рукой.

И в тот самый миг, когда шасси с глухим стуком убрались в люк, со мной случилось необъяснимое. Тот каменный груз, что давил на плечи все эти недели, та невидимая гиря, что сковывала каждое движение и не давала сделать полный вдох — вдруг отпустила. Он не рассыпался в прах. Он просто остался там, внизу. На той земле, что причинила мне столько боли. Он был больше не со мной.

Я прильнула лбом к прохладному стеклу иллюминатора. Внизу проплывали облака, похожие на гигантские клубы ваты, а под ними уходила вдаль, в прошлое, моя старая жизнь. И впервые за долгие-долгие месяцы я позволила себе сделать то, что казалось непозволительной роскошью, — помечтать. Не о прошлом, которого не вернуть. О будущем. Какое оно? Дворец... Шейх... Бескрайняя пустыня... Знойное солнце... Все это казалось нереальным, сном наяву, страницей из какой-то восточной сказки.

Глава 6

Я почти не спала, лишь изредка проваливаясь в короткие, тревожные дрёмы. Пила томатный сок, смотрела фильмы, не вникая в смысл, и неотрывно следила за загипнотизировавшей меня картой полета на экране в спинке кресла. Вот мы пролетаем над темными, заснеженными массивами тайги, вот под крылом проплывают огни какого-то незнакомого мегаполиса, вот появляется синева какого-то моря, пересекаемого тонкой ниточкой судоходного пути. Каждая миля, каждый километр отдаляли меня от того, что было. Я физически чувствовала, как растёт эта дистанция.

Когда голос пилота объявил о начале снижения и велел вернуться на места и пристегнуться, сердце заколотилось с новой силой, на сей раз от предвкушения.

Я снова прилипла к иллюминатору. Внизу, в предрассветной дымке, лежала другая планета. Бескрайнее, до самого горизонта, море золотисто-рыжего песка, прочерченное идеально ровными, стрелами автострад. И посреди этого марева — фантастический, сверкающий мираж. Башни из стекла и стали, похожие на хрустальные обелиски, упирались в постепенно розовеющее небо Абу-Даби.

Воздух, в который я вышла из самолета по трапу, ударил мне в лицо плотной, горячей, незнакомой волной. Он был густым, влажным и пряным. В нем смешались запахи незнакомых цветов, раскаленного за день асфальта, сладковатого дыма кальяна и далекого, соленого океана.

В зоне прилета, среди пестрой толпы, меня ждал водитель — высокий араб в безупречно белом кандуре и арафатке. В его руках была табличка с моим именем, выведенным четким шрифтом. Он молча, с почтительной улыбкой кивнул, взял мой чемодан и жестом пригласил следовать за ним к машине — огромному, белоснежному, сияющему новизной внедорожнику.

Мы поехали по широким, многополосным магистралям, то и дело проносясь по эстакадам, уходящим в небо. За окном мелькали невероятные архитектурные чудеса: небоскребы причудливых форм, сверкающие купола мечетей, фонтаны, бывшие прямо из изумрудных искусственных озер, и бесконечные ряды стройных, изящных пальм. Роскошь была не кричащей, не вызывающей. Она была спокойной, фундаментальной, словно так и должно было быть всегда. Она была частью пейзажа.

Я почему-то ожидала, что меня привезут в какой-нибудь стандартный отель или в казенное служебное общежитие. Но внедорожник плавно свернул с шикарного шоссе, проехал несколько тихих, утопающих в зелени улочек и остановился у высокого, кремового цвета забора. Ворота бесшумно распахнулись, пропуская нас внутрь.

Мы въехали на территорию небольшой, но потрясающе ухоженной виллы. Белоснежный одноэтажный дом в арабском стиле с арочными окнами, бирюзовый бассейн, зеркальная гладь которого отражала небо, и буйные, взрывные заросли цветущей бугенвиллии всех оттенков — от пурпурного до нежно-лососевого и тишина. Глубокая, звенящая, нарушаемая лишь щебетом каких-то невидимых птиц и легким шелестом листьев на ветру.

Водитель выгрузил мой чемодан, вручил мне ключ-карту и что-то быстро и доброжелательно сказал по-арабски, сделав широкий жест в сторону дома. Я поняла лишь одно: «Добро пожаловать».

Дверь поддавалась бесшумно. Внутри пахло прохладой, свежестью и едва уловимыми нотками жасмина. Интерьер был выдержан в светлых, пастельных тонах: современная минималистичная мебель, огромный диван с грудой шелковых подушек, полностью укомплектованная кухня с блестящей техникой. На столе в гостиной стояла хрустальная ваза, полная свежих фруктов. Напротив — дверь в спальню, где под пологом из воздушной ткани виднелась огромная кровать. И снова — та же оглушительная, блаженная тишина. Ни бабушкиного старенького

радио, вещающего с утра до вечера, ни гула машин за окном, ни топота соседей сверху. Только мое собственное, еще не верящее своему счастью, дыхание.

Я прошла в гостиную, опустилась на мягкий диван, зарывшись босыми ногами в пушистый ковер, и заплакала. Но на этот раз это были не слезы отчаяния или боли. Это были слезы огромного, всепоглощающего облегчения. Я была одна. Совершенно одна в незнакомом городе, на другом конце света, в самом сердце неизвестности. И это одиночество было не пугающим, а блаженным, целительным. Это была та самая обещанная Ириной Юрьевной передышка. Тихая гавань после долгого и страшного шторма.

Я подошла к панорамному окну, выходящему в сад. На небе, над силуэтами пальм, разгоралась заря. Она была не такой, как дома. Здесь она была огненной, яростной, почти неестественной. Полоска неба у горизонта полыхала алым, переходя в ослепительный оранжевый, потом в нежный розовый и, наконец, в чистейшее золото.

Глава 7

Я стояла посреди гостиной, и по телу разливалась странная, почти забытая легкость. Тишина была настолько полной, что в ушах звенело. Но это был не давящий гнет одиночества, а благословенный, звенящий покой. Я была одна. Совершенно одна.

И меня никто не ждал. Никто не требовал отчета, не сыпал упреками, не смотрел с жалостью. Я могла сделать все, что захочу. Абсолютно все.

Первым порывом был смех. Тихий, неуверенный, похожий на скрип давно не открывавшейся двери. Он вырвался из груди неожиданно, и я удивилась сама этому звуку. Я сбросила сандалии и прошлась босиком по прохладному, идеально гладкому полу. Потом побежала, как девочка, из комнаты в комнату, касаясь рукой мягкой обивки дивана, блестящей столешницы, скользящих шелковых штор. Это было мое. Все это — на эти три месяца — было моим убежищем.

Затем меня осенило. Вино! Мне захотелось вина. Не чтобы забыться, а чтобы отметить. Отметить этот побег. Это новое, хрупкое, почти нереальное чувство свободы.

Я открыла огромный холодильник. Он был полон — свежие фрукты, сыры, йогурты, соки. И на самой верхней полке стояли несколько бутылок. Я выбрала одну — с изящной этикеткой, на которой был изображен виноградник. Белое, прохладное. Я потянулась за бокалом в один из шкафчиков и нашла — нет, не простые стаканы, а хрустальные, тонкие, звенящие фужеры.

Я налила вина. Соломенно-золотистая жидкость игриво забулькала, наполняя бокал. Я поднесла его к свету, любуясь игрой пузырьков, и сделала первый глоток. Оно было прохладным, свежим, с нотками цитруса и чего-то еще, незнакомого, цветочного. Оно обжигало горло приятной прохладой, и я чувствовала, как его тепло медленно растекается по телу, согревая изнутри.

С бокалом в руке я вышла в сад. Ночь уже полностью вступила в свои права. Воздух был теплым и бархатистым, пахнувшим жасмином и влажной землей. Где-то тихо журчала вода в бассейне. Я задрала голову и увидела небо — черное-черное, усыпанное миллиардами звезд, таких ярких и близких, что, казалось, можно протянуть руку и коснуться их. Они были совсем не такими, как дома. Здесь они сияли уверенно, ярко, как будто приветствуя меня.

Я выпила вино почти не замечая, наслаждаясь самим ритуалом, чувством легкой, приятной расслабленности. Потом вернулась внутрь. Мне захотелось воды. Не просто душа, а настоящей, долгой, роскошной ванны.

В ванной комнате, размером с мою прежнюю спальню, стояла огромная угловая ванна. Я нашла на полке соли для ванн — целую коллекцию в красивых стеклянных банках. Выбрала одну с ароматом лаванды и морской соли. Насыпала щедрую горсть под струю горячей воды, и вскоре комната наполнилась густым, целебным паром, пахнувшим цветущими полями и океаном.

Я погрузилась в воду. Горячая, почти обжигающая жидкость обняла мое тело, смывая с кожи не только пыль путешествия, но и остатки старой, липкой тоски. Я ощущала, как расслабляется каждая мышца, каждый зажатый нерв. Я закрыла глаза, откинула голову на прохладный бортик и просто слушала тишину, прерываемую лишь тихим плеском воды.

Я просидела так, наверное, очень долго, пока кожа не сморщилась, а вода не начала остывать. Я вышла, завернувшись в огромное, пушистое полотенце, пахнущее свежестью и солнцем, и почувствовала себя чистотой. По-настоящему чистой, снаружи и изнутри.

В спальне я нашла на кровати мягкую хлопковую ночнушку — кто-то обо всем позаботился. Я надела ее и упала на огромную кровать. Она была такой большой, что я могла лечь

хоть звездой, и все равно оставалось много места. Я утонула в гряде подушек, укрылась легким шелковым покрывалом и потушила свет.

Темнота была не страшной. Она была мягкой и уютной. Сквозь легкие шторы пробивался лунный свет, окрашивая комнату в серебристые тона. Я лежала и смотрела в потолок, и внутри меня пело. Не было бурной, безумной радости. Было тихое, глубокое, всепроникающее чувство счастья. Счастья от того, что я здесь. Что я спаслась. Что завтра меня ждет не борьба за выживание, а любимая работа.

Я перевернулась на бок, прижалась щекой к прохладной наволочке и улыбнулась в темноту. Последней моей мыслью перед тем, как я провалилась в глубокий, безмятежный сон, было: «Я дома». Пусть ненадолго. Пусть ненадолго, но я дома.

Глава 8

Я проснулась от того, что в лицо мне щедро лился теплый, золотистый свет. Он просачивался сквозь щели в шторах, рисуя на полу длинные полосы. Я лежала несколько секунд, не понимая, где нахожусь. Огромная кровать, шелковое покрывало, тишина... И потом память вернулась ко мне сладкой, волнующей волной, Абу-Даби. Вилла. Побег.

Я потянулась, как котенок, чувствуя, как приятно ноют мышцы после долгого сна. Не было привычной тяжести на душе, того ощущения, что новый день — это очередное испытание, которое надо пережить. Вместо этого внутри плескалось легкое, почти детское любопытство. Что ждет меня сегодня?

Я накинула халат и раздвинула шторы. Ослепительное солнце хлынуло в комнату. Сад сиял изумрудной зеленью, бирюза бассейна слепила глаза, а небо было бездонным и ясным. Где-то пели птицы, их щебет был непривычным, экзотическим. Я глубоко вдохнула воздух, пахнувший цветами и теплом, и улыбнулась.

На кухне я снова обнаружила, что обо всем позаботились. В кофемашине уже был свежий зерновой кофе, в корзинке лежали круассаны и свежие фрукты. Я приготовила себе капучино, взяла сочный манго и вышла на террасу. Есть хотелось безумно, я чувствовала звериный аппетит, которого не было очень давно. Я завтракала, загораючи босыми ногами на теплой плитке, и чувствовала себя не реставратором с тяжелым прошлым, а туристкой в роскошном отеле. На мгновение я даже забыла, зачем я здесь.

Вспомнила я, лишь когда прозвучал мягкий, ненавязчивый звонок в дверь. Мое сердце екнуло. Реальность напомнила о себе. Я взглянула на часы — было без пяти десять.

За дверью стоял тот же водитель в белом кандуре. Он улыбнулся мне своей сдержанной, вежливой улыбкой и что-то сказал по-арабски, сделав жест указывая на машину. Я кивнула, понимая, что время сказочного уединения закончилось. Начался рабочий день.

— Минуточку! — крикнула я ему вслед и побежала собираться.

Я надела простые льняные брюки и свободную рубашку — практично и для работы подойдет, и от солнца защитит. Наскоро собрала волосы в хвост, сунула в сумку бутылку воды, блокнот и карандаш. Сердце билось чаще — не от страха, а от предвкушения. Дворец. Мне предстояло увидеть дворец.

Машина была все тем же белым внедорожником, мы выехали за ворота и снова погрузились в поток машин. Но на этот раз я смотрела на город уже не как ошеломленный турист, а всматривалась в детали, пытаюсь понять его ритм.

Мы ехали недолго. Постепенно сверкающие небоскребы сменились более приземистыми, но не менее величественными зданиями в традиционном арабском стиле. Воздух стал другим — здесь уже не пахло асфальтом и бетоном, а витали ароматы песка, нагретого камня и каких-то старых, сухих трав.

В конце длинной аллеи, усаженной высокими, стройными пальмами, показался дворец. Я замерла, невольно прижавшись лбом к стеклу.

Это не был дворец из сказок про Disney. Это была крепость. Суровая, величественная, выросшая из самого песка. Стены из бледно-желтого камня, похожего на песчаник, массивные, с узкими, как бойницы, окнами. По углам возвышались мощные квадратные башни, увенчанные зубчатыми парапетами. Здание выглядело древним, молчаливым стражем пустыни, который видел века и хранил тысячи историй.

Машина плавно остановилась у огромных, украшенных массивными железными коваными вставками деревянных ворот. Они были открыты, и взгляду открывался внутренний двор — вымощенный каменными плитами, с простым, но элегантным фонтаном в центре.

Водитель открыл мне дверь и жестом пригласил войти.

Я вышла и остановилась как вкопанная. Воздух здесь был другим — сухим, горячим, пропитанным запахом старого камня, древесины и... истории. Ее можно было буквально вдохнуть.

Ко мне вышел пожилой араб в темном, строгом костюме — управляющий, как я сразу поняла.

— Добро пожаловать, мадам Алёна, — сказал он на безупречном английском, слегка склонив голову. — Его высочество ожидает вас внутри. Позвольте мне проводить вас.

Он повел меня через двор в тень арочной галереи. Наши шаги гулко отдавались под древними сводами. Я смотрела по сторонам, и профессиональный азарт начал потихоньку перебивать благоговейный трепет. Я видела потрескавшиеся фрески на стенах, выцветшие краски которых еще хранили следы былой роскоши. Видела резные деревянные двери с изъеденным временем орнаментом, но с сохранившейся изысканной резьбой. Мои пальцы сами собой потянулись к сумке за блокнотом — так хотелось все зарисовать, зафиксировать.

Мы вошли в главный зал. И тут у меня перехватило дыхание.

Высокий потолок с темными, массивными балками, стены, украшенные деревянными панелями с тончайшей арабской вязью, и огромные окна, через которые лился свет, окрашивая все в золотистые тона. Пылинки танцевали в лучах солнца, как ожившие духи прошлого.

И в центре этого величия, у одного из окон, стоял он.

Высокий, в белоснежном идеально сидящем кандуре, с платком арафаткой, небрежно наброшенным на плечи. Он был спиной ко мне, рассматривая что-то на стене, и его осанка, сама поза излучали спокойную, безмолвную власть.

Управляющий кашлянул почтительно.

— Ваше высочество, реставратор из России, мадам Алёна.

Мужчина медленно обернулся. И я увидела его лицо. Не надменное и холодное, как я ожидала увидеть у восточного правителя, а сосредоточенное, с умными, пронзительными темными глазами, которые оценивающе скользнули по мне. В них не было ни высокомерия, ни любопытства. Был лишь внимательный, сконцентрированный интерес.

— Мадам Алёна, — произнес он, и его голос, низкий и бархатный, идеально гармонировал с окружающей обстановкой. Он говорил на английском с едва уловимым, благородным акцентом. — Добро пожаловать в мой дом. Я рад, что вы смогли приехать.

Он сделал шаг вперед, и его взгляд на секунду задержался на моих руках — на моих рабочих, не самых ухоженных, но чутких пальцах. Потом он снова посмотрел мне в глаза.

— Мне сказали, что вы лучшая в своем деле. Я надеюсь, это правда, — он слегка улыбнулся, и в уголках его глаз лучиками разошлись легкие морщинки. — Этому месту нужна не просто реставрация. Ему нужно возвращение души. Вы готовы помочь мне в этом?

Глава 9

Я замерла на секунду, полностью захваченная его присутствием, и величием зала, и самой задачей, которая вдруг из абстрактной «работы» превратилась в нечто гораздо большее. Возвращение души! Это было именно то слово, которое отозвалось во мне глубинным эхом.

Я выпрямила спину, встречая его взгляд без робости, но с огромным уважением.

— Я готова приложить все свои силы и знания, ваше высочество, — ответила я, и голос мой прозвучал увереннее, чем я себя чувствовала внутри. — Для меня большая честь работать с таким наследием.

Он кивнул, и в его глазах мелькнуло одобрение. Казалось, он искал не подобострастия, а профессионализма и искренней увлеченности.

— Отлично! Тогда позвольте показать вам объект вашего внимания, — он повернулся и жестом указал на массивную деревянную дверь, ведущую вглубь дворца. — Начнем с сердцевины. С библиотеки.

Мы двинулись по прохладным, затемненным коридорам. Шейх Халид шел чуть впереди, его белый кандура мерцала в полумраке. Я шла следом, и мои пальцы уже чесались — так хотелось прикоснуться к стенам, ощутить шероховатость камня, текстуру дерева.

Он распахнул тяжелую, обитую железом дверь, и я застыла на пороге.

Библиотека. Это слово не передавало и десятой доли того, что я увидела. Это был храм! Храм книги и знания. Высокие потолки терялись в сумраке, откуда свисали массивные, медные люстры. Стены от пола до самого свода были скрыты за стеллажами из темного, почти черного дерева, уставленными фолиантами в кожаных переплетах. Воздух был густым и пыльным, но пах он не затхлостью, а благородной стариной — кожей, воском, старой бумагой и сухими травами.

И посреди всего этого величия — разруха.

Я сделала шаг внутрь, и сердце мое сжалось от боли. Часть стеллажей просела, их полки покособились от влаги и времени. На многих книгах я сразу заметила пугающие признаки — осыпающиеся корешки, пятна плесени, деформацию переплетов. На резных деревянных панелях, обрамлявших камин, узор был частично утрачен, а то, что осталось, покрылось толстым слоем пыли и грязи. На одной из стен огромная фреска с астрономическими картами потускнела и местами осыпалась, открывая штукатурку.

— Вот он, пациент, — тихо произнес Халид, обводя рукой пространство зала. Вего голосе не было высокомерия или сожаления. Была глубокая, искренняя печаль. — Это библиотека моего прадеда. Он собирал эти книги всю жизнь. Здесь хранится история моего рода, труды великих философов и поэтов. И она умирает.

Я подошла к ближайшему стеллажу, не в силах сдержаться. Осторожно, почти с благоговением, провела пальцем по корешку толстого тома. Кожа была сухой и потрескавшейся.

— Это... это невероятно, — прошептала я, забыв о всяком этикете. — Кожаный переплет, ручная работа, золотое тиснение... И плесень. И жучок-точильщик, видите? — я указала на крошечные отверстия в дереве полки.

Я обернулась к шейху. Он смотрел на меня не на стену, а на мои руки, на мой взгляд, и снова в его глазах вспыхнул тот же интерес, что и в главном зале.

— Вы видите не беспорядок, — констатировал он. — Вы видите проблему.

— Я вижу работу, — поправила я его, и сама удивилась своей смелости. Но это была правда. Профессиональный азарт затмил все остальное — и робость, и восхищение, и даже память о собственном горе. — И очень сложную, и очень интересную. Нужно начинать с оценки состояния каждого фоллианта, создания особого микроклимата, чтобы остановить разрушение. Дерево панелей требует очистки и консервации. Фреске нужна... — я запнулась, понимая, что несусь сломя голову.

Но шейх Халид улыбнулся. На этот раз улыбка была широкой и искренней, преображая его строгое лицо.

— Я не ошибся в вас, мадам Алёна, — сказал он. — Я чувствую, что вы говорите на одном языке с этим местом. — Он сделал паузу и посмотрел на меня прямо. — Дворец и библиотека в вашем полном распоряжении. Все ресурсы, которые вам потребуются, будут предоставлены. Мои люди будут помогать вам. Управляющий передаст вам все контакты. У меня только одна просьба.

— Какая? — спросила я, затаив дыхание.

— Делайте это бережно. Как будто это ваше собственное сердце.

Его слова отозвались во мне с такой силой, что я смогла лишь кивнуть.

Он кивнул в ответ, развернулся и вышел из библиотеки, оставив меня одну в этом огромном, тихом, поврежденном храме знаний.

Я осталась стоять посреди зала, и по моей спине пробежала дрожь ужаса и восторга одновременно. Сложность задачи была колоссальной. Но вместе со страхом пришло и другое чувство — ясность. Цель.

Я медленно прошла между стеллажами, задирая голову, чтобы разглядеть верхние полки. Достала из сумки блокнот, карандаш и начала делать первые, беглые наброски — состояние стеллажей, участки повреждений на фресках, узоры на деревянных панелях.

Я была одна. Совершенно одна в этом молчаливом царстве. Но одиночество это было наполненным. Оно было наполнено шепотом страниц, дыханием истории и тихим, настойчивым зовом дела, которое ждало именно меня.

Глава 10

Первые дни во дворце прошли в своего рода профессиональном трансе. Я почти не замечала ничего вокруг, кроме объекта своей работы. Я составила подробнейший план, разбила библиотеку

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.